

УДК 008:82 (575.2) (04)

“ДУШЕ НАСТАЛО ПРОБУЖДЕНЬЕ...”

В.А. Воропаева

Осуществлена попытка опровергнуть бытующее мнение о том, что шедевр любовной лирики А.С. Пушкина “Я помню чудное мгновенье...” посвящен А.П. Керн.

Ключевые слова: стихи А.С. Пушкина “Я помню чудное мгновенье...”; “Любовь безумная, безнадежная” к Е.К. Воронцовой; “Душе настало пробужденье”.

В свое время молодой, но уже известный писатель Н.В. Гоголь в статье “Несколько слов о Пушкине” заметил: “...увы, это неотразимая истина: что чем более поэт становится поэтом, чем более изображает он чувства, знакомые одним поэтам (подчеркнуто нами. – Авт.), тем заметней уменьшается круг обступившей его толпы, и, наконец, так становится тесен, что он может перечесть по пальцам всех своих истинных ценителей” [1, с. 748].

И действительно, с высоты XXI в. наши современники могут сказать: «Увы, как прав был Николай Васильевич! Каждый новый день рождения Поэта собирает у памятника все меньше и меньше его истинных ценителей. Но... все-таки они есть. Они стараются все глубже проникнуть в “чувства, знакомые одним поэтам”».

Вот и теперь, в 2010 г., в один из известных летних дней, связанных более с тягостными раздумьями, чем с желаниями, они вновь соберутся, чтобы почитать Поэта “свиток верный”. Да так, чтобы “душе настало пробужденье...”, как заметил Гений русской словесности в своем бессмертном гимне любви “Я помню чудное мгновенье...”.

* * *

В Петербурге 1 февраля 1837 г. на отпевании убитого поэта в темном углу Конюшенной церкви тихо плакала Анна Петровна Керн. Вместе с молитвой ее губы беззвучно шептали слова стиха, обессмертившего ее имя:

“Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...”

А через несколько дней – 11 февраля А.П. Керн исполнилось 37 лет.

Стихотворение почти автобиографично и вполне может склонить в пользу версии о том, что этот шедевр любовной лирики А.С. Пушкина посвящен только Анне Керн. И эта версия прижилась в сознании всех, кто слышал его и особенно романс М.И. Глинки, написанный в 1840 г. и посвященный дочери А.П. Керн – Екатерине. Но..., если бы это стихотворение не было плодом творческих исканий Поэта, да еще такого поэта, как А.С. Пушкин. Не случайно напечатал он его в “Северных цветах” только в 1827 г.

Со стихотворением “Я помню чудное мгновенье...”, считавшимся одним из величайших гимнов любви в мировой поэзии, молва связывает сюжет, произошедший с А.С. Пушкиным в 1825 г. в Тригорском, когда он только что вернулся из ссылки с Юга.

В книге Леонида Гроссмана “Пушкин” описано, как в летний день в час обеда Пушкин пришел в Тригорское. Прасковья Александровна, хозяйка Тригорского, представила Поэту приехавшую к ней погостить племянницу Анну Керн. Оба были смущены этой *новой* встречей.

Оба вспомнили об их *первой* встрече в 1819 г. у Олениных. После этой первой встречи однажды Пушкин на полях одного из писем тригорских обитательниц к этой родственнице приписал: “Образ, мимолетно явившийся нам, который мы *однажды* видели и не увидим более никогда”...

И теперь, развлекая общество, Пушкин рассказывал сказку о поездке черта в извозчицких дрожках на Васильевский остров, читал своих “Цыган”, глубоко взволновавших Керн. Она, уже испытывавшая тяжесть брака с нелюбимым “старым мужем”, не могла не встревожиться оправданием права женщины на свободное чувство, прозвучавшее в поэме:

“Кто сердцу юной девы скажет:
Люби одно, не изменись?..”

И поэт с восхищением слушал импровизированный романс о серебрящейся Бренте в октавах Торквато на стихи Козлова “Ночь весенняя дышала”, который пела Анна. Почти месяц происходили такие встречи.

Накануне отъезда А. Керн вместе со всем тригорским обществом посетила Михайловское. Пушкин не повел гостей в свое “бедное жилище”, а предпочел этой лунной ночью принимать их под вековыми липами ганнибаловского парка. Это было в субботу 18 июля 1825 г. И до наших дней здесь сохранилась та самая “Аллея Керн”.

Вскоре колеса экипажей зашуршали по лесной дороге. Пушкин остался один, взволнованный этим необычным посещением. И в эту июльскую лунную ночь, в скромном домике опального поэта невидимо слагался бессмертный гимн любви:

“Я помню чудное мгновенье...”

На другое утро, в воскресенье 19 июля, Пушкин принес в Тригорское и вручил уезжавшей Керн для прочтения первую главу “Онегина” с вложенным в рукопись листком со стихами: К***. В какой-то момент поэт порывался вернуть листок со стихами, но почему-то не сделал этого. Возможно, передумал, а возможно, Анна не позволила.

А несколько дней спустя поэт закончил письмо к одному из друзей такими примечательными словами: “Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить”.

В это время в самом разгаре проходила работа над “Борисом Годуновым”.

То был момент особого подъема творческих, душевных сил Поэта, момент радостного “пробуждения” его души. И, очевидно, именно в это время “в глуши, во мраке заточенья” в связи с прекрасным, светлым образом, явившимся из далеких лет – как отрадное воспоминание бурной, вольной молодости – явилась и надежда на близкое освобождение из ссылки, надежда, которой ссыльный поэт не переставал верить:

“Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.
Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,

И я забыл твой голос нежный.
Твои небесные черты.
В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.
Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь” [2, с. 50].

Одухотворенный образ молодой женщины, неожиданно возникший в деревенской глуши, как будто проясняет сознание, находящееся в тревожном “томлении”, и ведет к творческому возрождению и вдохновению на создание новых поэтических творений. Разумеется, в этой ситуации

“И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь”.

Скоро это пылкое, кратковременное чувство перерастает в дружбу и доброе, внимательное отношение Поэта к Анне Керн, и оно продолжалось почти до его последних дней.

Что касается гимна любви “Я помню чудное мгновенье...”, то, скорее всего, и это *очевидно*, оно касается не только и вообще не конкретных чувств к конкретной Анне Керн. В его нескольких строчках разворачивается драма бурной жизни и мятущейся судьбы молодого поэта. Здесь показаны беспечные годы в александровском Петербурге, проведенные в вихре любовных увлечений, театральных впечатлений и шумных забав, на самом деле были порою “грусти безнадежной”.

Годы южной ссылки и михайловского изгнания (по первоначальной записи: “в степях, во мраке заточенья”) длили и углубляли эти ранние “томления”. И Михайловское теперь преобразилось в пушкинский “Приют, сияньем муз одетый”.

Многие пушкиноведы считают, что образ Анны Керн рожден фантазией поэта... и он не столько реален, скорее идеален. Но его биографичность, конкретная встреча Поэта с этой женщиной стали определенным и незабываемым событием не только в жизни Поэта, но и в его творчестве.

В кругу самых выдающихся современников Пушкина Анна Керн остается личностью замет-

ной, сохраняя при этом свое очень неяркое, но удивительное своеобразие.

Разумеется, сведений для сложения совершенно определенного образа А. Керн и ее места в жизни и творчестве поэта явно недостаточно. Но исследования должны продолжаться, тем более, что один из лицеистов Иллический как-то сказал о Пушкине: "...лучи славы его будут отсвечиваться и в его товарищах".

Следует заметить, что жизнь поэта А.С. Пушкина и творческая, и личная происходила всегда под воздействием окружающих его обстоятельств. Не хотелось, но придется в очередной раз привести размышления Павла Флоренского о судьбе Пушкина: "...удел величия – страдание, – страдание от внешнего мира и страдание внутреннее, от себя самого. Так было, так есть и так будет. Почему это так – вполне ясно, это отставание по фазе: общества от величия и себя самого от собственного величия <...> Ясно, свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонением. Чем бескорыстнее дар, тем жестче гонения и тем суровее страдания. Таков закон жизни, основная аксиома ее" [3, с. 291–292].

Сам А.С. Пушкин 29 ноября 1824 г. из Михайловского пишет А.А. Вяземскому в Москву:

«Знаешь ли ты мою "Телегу жизни":

“Хоть тяжело подчас в ней бремя,

Телега на ходу (легка);

Ямщик лихой, седое время,

Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;

Мы рады голову сломать...

Но в полдень нет уж той отваги;

Порастрясло нас; нам страшней

И косогоры и овраги;

Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;

Под вечер мы привыкли к ней

И дремля едем до ночлега –

А время гонит лошадей» [4, с. 155].

И действительно время гнало лошадей, впряженных в “Телегу жизни” поэта всегда, и в этот михайловский период жизни также.

Следует заметить, что “Телега жизни” Поэта пронеслась по его жизни и творчеству задолго до михайловской встречи с Анной Керн. Именно в этот период – период пребывания на Юге, конкретнее, в Одессе, молодого Поэта настигла, как он писал сам, “любовь безумная, безнадежная” к Елизавете Ксаверьевне Воронцовой, ставшей по существу его пожизненным “Талисманом”. Размышления об этой любви приводят к мысли о том, что яркое чувство, вспыхнувшее вдруг к

Анне Керн, было действительно только “чудным мгновеньем”...

* * *

Известно, что уже в первые годы творческой деятельности А.С. Пушкин был не только известен, но и любим столичным обществом. “От великолепнейшего салона вельмож до самой нецеремонной пирушки офицеров везде принимали Пушкина с восхищением, – рассказывал П.А. Плетнев. – Он сделался идолом преимущественно молодых людей, которые в столице претендовали на отличный ум и отличное воспитание”. Его дружески принимали и в кругах, преклоняющихся перед остротой его памфлетов и поэтических обличений. Выразителем своего протеста признала его передовая интеллигенция. А его друг Вяземский заявил: “Пушкин при каждом ... бесчинстве должен крикнуть *эпиграмму*”.

И действительно, скоро этот короткий и острый жанр стал его разящим оружием, началом его более позднего воззвания к “музе пламенной сатиры”, и скоро сложилась его боевая формула: “язвой эпиграмм” “мучить казнию стыда” своих политических врагов.

В начале 1820 г. Пушкин остро почувствовал ответные удары. В Петербургском обществе ... распространились слухи о том, что смелый автор антиправительственных эпиграмм подвергся в секретной канцелярии наказанию розгами. “Я увидел себя опозоренным в общественном мнении, – вспоминал в 1825 г. Пушкин, – я впал в отчаяние”. Он тут же решает заставить власти применить к себе открытые приемы борьбы. Пишет эпиграмму на всемогущего Аракчеева “Всей России притеснитель... А царю он друг и брат”, которая одновременно ударяла и по Александру I, распространяет в обществе оду “Вольность”, написанную еще в 1817 г., открыто демонстрирует свое живейшее сочувствие революции в Испании...

Последствия могли быть тягостными, вплоть до высылки в Сибирь. Но за поэта вступились друзья, среди которых были очень влиятельные люди: Жуковский, Оленин и другие. И... за оскорбление верховной власти поэт Александр Пушкин был “удален” из Петербурга и откомандирован в южные губернии к генералу Инзову, “ведавшему” новороссийскими колонистами.

Инзов, человек большой душевной чуткости, после первых бесед с Пушкиным понял, что поэт нуждался не столько в “добрых советах”, сколько в полной свободе. И скоро Пушкин уже пользовался разумной свободой и даже путешествовал вместе с семьей Раевских.

К концу июля 1820 г. он создает свое первое романтическое стихотворение – эпилог к “Руслану и Людмиле”. И здесь, в Кишиневе, перед Поэтом открывается новая творческая эпоха, овеянная животворной бурей романтизма – неукротимой, трагической и мятежной. Все время уходит на пробы и опыты в различных разработках основного жанра. “У меня в голове бродят еще поэмы”, – писал Пушкин в 1821 г. Дельвигу.

На юге создаются первые лирические новеллы в стихах о Кавказе и Крыме. Блестяще разработана пародийная “перелицовка” Библии в “Таврииде”. В “Вадиме” разрабатывается историческая поэма, а в 1823 г. журнал “Сын Отечества” сообщил, что Пушкин уже работает над древними сказаниями. Задумывает роман “Евгений Онегин”.

Скоро, благодаря хлопотам петербургских друзей, Пушкин был переведен в Одессу.

В то время говорили, что Одесса была единственным уголком России, где дышится свободно, «где такими потоками лились солнечные лучи и иностранное золото и так мало было полицейских и иных стеснений. Здесь имелись даже тайные кружки молодежного “Общества независимых”, где “ходили” списки пушкинской “Вольности”...

В Одесском театре можно было слышать певиц Рикорди, Витали, Каталани, музыку молодого Россини, успевшего покорить уже всю Европу. Это была новая музыка – с живым стремительным, искрящимся блеском, огненным весельем и нежностью...

В июле 1823 г. в Одессу в качестве правительственного полномочного наместника прибыл генерал-адъютант, граф М.С. Воронцов, стремящийся якобы следовать принципам либерализма, но в пределах государственной карьеры, каким придерживался его отец – бывший русским послом в Лондоне. И Поэта М. Воронцов взял на службу, “чтобы спасти его нравственность, а таланту дать досуг и силу развиваться”, и задачу “перевоспитания” Пушкина он понимал как свое высокое покровительство сосланному стихотворцу. Но Пушкин заметил это не сразу. Главное, что очень его радовало – это возможность работать в богатейшей библиотеке во дворце Воронцова, собиравшейся около ста лет его предшественниками...

В одесском обществе заметно отличалась жена наместника Елизавета Ксаверьевна Воронцова. Дочь юго-западного магната Ксаверия Броневицкого, Воронцова охотно принимала у себя многочисленных представителей одесского

польского общества. Потоцкие, Ржевуские, Понятовские, Собаньские, Ганские считали Одессу своим городом. И в поэзии Пушкина начинает звучать новая тема: о взаимоотношениях России и Польши. Здесь в Одессе Пушкин знакомится с Липранди, с помощью которого увлекается историей Мазепы и событиями вокруг него, Бендерами – ставшими колыбелью его “Полтавы”.

Графиня Елизавета Ксаверьевна – жизнерадостная, одаренная, культурная женщина, любившая искусство – музыку, живопись, театр, поэзию – также живо заинтересовалась знаменитым поэтом-изгнанником. Пушкин восхищался как однажды, глядя на море, она повторяла строфу из баллады Жуковского:

“Будешь с берега уныло
Ты смотреть; в пустой дали
Не белеет ли ветрило,
Не плывут ли корабли?”

Поэт и графиня не только отличали друг друга в обществе – их связала достаточно долгая, почти год, “любовь безумная, безнадежная”, как заметил сам Поэт. Любое, даже краткое расставание, приносило им тягостную тоску.

Скоро независимость Пушкина стала раздражать Воронцова. А тут еще смерть Байрона, творчество которого было любимо Пушкиным, но вызывало возмущение британской аристократии, с которой Воронцов был связан родственными узами.

Воронцов стал досажать Пушкину ничемными поручениями, а иногда и прямыми унижениями. Так, в июне 1824 г. граф Воронцов устроил поездку из Одессы в Гурзуф на свою дачу. Поэт Александр Пушкин не был включен в список приглашенных. А.Л. Давыдов, узнав “о неприглашении”, сам пригласил Пушкина принять участие в поездке “на полуденный берег Крыма”. В ответ Пушкин посылает стихотворение “Давыдову” (“Нельзя мой толстый Аристип...”), в котором объясняет причину недоброжелательности Воронцова:

“Но льстивых од я не пишу...” [5, с. 332, 401].

В другой раз Воронцов командировал Пушкина на поиски и фиксации мест скопления саранчи. Из этой поездки поэт вернулся раздраженный, но узнавший много нового. И сразу же написал эпиграмму на Воронцова “Певец Давид был ростом мал...” [5, с. 336].

Еще одна эпиграмма на Воронцова “Сказали раз царю, что наконец...”, написанная уже в 1825 г. Поводом к написанию послужил случай, когда Воронцов в ответ на сообщение царя Александра I об аресте испанского революцио-

нера Риго подобострастно воскликнул: “Какое счастливое известие, ваше величество, одним мерзавцем стало меньше”:

“Все смолкнули, все потупили взор...

Сам государь такого доброхотства

Не захотел улыбкой наградить:

Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить

И в подлости осанку благородства”

[6, с. 37–38].

В эпиграмме “Не знаю где, но не у нас...”

А.С. Пушкин дал характеристику Воронцову:

“Он не хранил в своем запасе

Глубоких замыслов и дум;

Имел он не блестящий ум,

Душой не слишком был отважен;

Зато был сух, учтив и важен”

[5, с. 301–302].

В письме *А.И. Тургеневу* 14 июля 1824 г. в Петербург А.С. Пушкин пишет:

“Не странно ли, что я поладил с Инзовым, а не мог ужиться с Воронцовым; дело в том, что он начал вдруг обходиться со мною с непристойным неуважением, я мог дожидаться больших неприятностей и своей просьбой предупредил его желания. Воронцов – вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое. Старичок Инзов сажал меня под арест всякий раз, как мне случалось побить молдавского боярина. Правда – но зато добрый мистик в то же время приходил меня навещать и беседовать со мной об испанской революции. Не знаю, Воронцов посадил ли бы меня под арест, но уж, верно, не пришел бы ко мне толковать о конституции Кортесов. Удаюсь от зла и сотворю благо: *брошу службу, займусь рифмой...*” [4, с. 142].

Среди многих эпиграмм на Воронцова наиболее известной была:

“Полу-милорд, полу-купец,

Полу-мудрец, полу-невежда,

Полу-подлец, но есть надежда,

Что будет полным наконец” [5, с. 335].

Пушкиноведы считают, что за год пребывания в Одессе Пушкин – мечтатель перерастает в мыслителя. Веселая и острая сатира становится гневной и горькой. Глубоко знаменательно его лирическое признание:

“Взглянул на мир я взором ясным

И изумился в тишине;

Ужели он казался мне

Столь величавым и прекрасным?”

Известно, что граф Воронцов поспешил удалить Поэта из Одессы еще и по личным сообра-

жениям. Ему было известно не только увлечение и довольно серьезное Елизаветой Ксаверьевной – женой графа, но и об очевидных романтических чувствах к нему графини.

В четверг 31 июля 1824 г. коллежский секретарь А.С. Пушкин выехал из Одессы по маршруту, предписанному властью.

Сосланный в Михайловское Поэт еще долго находится в плену воспоминаний о графине Е. Воронцовой. В одном из своих творений он пишет:

“Ненастный день потух; ненастной ночи мгла

По небу стелется одеждою свинцовой;

Как привидение, за рошею сосновой

Луна туманная взошла...

Все мрачную тоску на душу мне наводит.

Далеко, там, луна в сиянии восходит...

Там, под заветными скалами,

Теперь она сидит печальна и одна...”

[6, с. 17].

Тихой грустью и воспоминаниями наполнено другое творение Поэта:

“Пускай увенчанный любовью красоты

В заветном золоте хранит ее черты.

И письма тайные, награды долгой муки,

Но в тихие часы томительной разлуки

Ничто, ничто моих не радует очей,

И ни единый дар возлюбленной моей,

Святой залог любви, утеха грусти нежной –

Не лечит ран любви безумной, безнадежной”

[6, с. 25].

Это стихотворение при жизни Поэта не печаталось. Возникает вопрос: Почему? Возможно, сам Поэт считал его слишком откровенным признанием “любви безумной, безнадежной”...

Горестными мыслями наполнено стихотворение “Сожженное письмо”. Здесь слова “*Уж перстня верною утрата впечатлень*” – напоминают о перстне, подаренном поэту Елизаветой Воронцовой.

“Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...

Как долго медлил я, как долго не хотела

Рука предать огню все радости мои!

Но полно, час настал: гори, письмо любви...

... Пепел милый,

Отрада бедная в судьбе моей унылой,

Останься век со мной на горестной груди”

[6, с. 37].

В 1828 г. в Альманахе “Альбом северных муз” было напечатано стихотворение “Талисман”, написанное Поэтом в 1827 г. Стихотворение заканчивается почти заклинанием:

“Милый друг! от преступленья,

От сердечных новых ран,

От измены, от забвенья

Сохранит мой талисман!” [6, с. 111–112].

Гораздо раньше, в 1825 г., в стихотворении “Храни меня, мой талисман...”, написанном в Михайловском, Пушкин впервые назвал талисманом кольцо, подаренное ему Е.К. Воронцовой. При жизни Пушкина это стихотворение не печаталось.

“Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан...
Пускай же в век сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман” [6, с. 43].

История свидетельствует о том, что этот перстень-талисман А.С. Пушкин носил всю жизнь и снял его с руки в последние часы своей жизни и передал В. Жуковскому.

И уже позднее, когда А.С. Пушкин получил согласие на брак с Н.Н. Гончаровой, он спокойно пишет свое знаменитое “Прощание”, где прощается фактически не только с прежними творческими устремлениями, но и со своей прошлой жизнью.

Пушкиноведы предполагают, что и стихотворение “Прощанье” – посвящение Е.К. Воронцовой – занимает свое определенное место в Болдинской осени 1830 г.

“В последний раз твой образ милый
Держаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь вспоминать.
Бегут менясь наши лета,
Меняя всё, меняя нас,
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.
Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его” [6, с. 183–184].

В рукописях А.С. Пушкина пушкиноведы расшифровали более 30 зарисовок Е.К. Воронцовой. Воронцову Пушкин рисовал с первых дней знакомства с ней в сентябре 1823 г. Он изображал и профиль ее, и голову, и фигуру – стоящей, сидящей, уходящей, с вырисованной узенькой пяткой, видневшейся из-под платья, – и руку, играющую на клавирах, с длинными изогнутыми пальцами. Последние три зарисовки Воронцовой сделаны А.С. Пушкиным в 1829 г. Один портрет – на Кавказе, рядом с портре-

том Марии Волконской – образы двух женщин, живших в душе Поэта. Другие два нарисовал он сестрам Ушаковым. Замечено, что Пушкин лица Воронцовой не идеализировал, но всегда старался подчеркнуть ее очарование [7, с. 316–317].

О встречах Поэта с Е.К. Воронцовой во время ее приездов в Петербург (1830-е гг.) можно предположить по ее письму к Поэту от 26 декабря 1833 г.

Сохранилось письмо Пушкина к Воронцовой (1834 г.). Домоправитель дома Воронцовых рассказывал о том, что после 1859 г. Елизавета Ксавьеревна уничтожила небольшую связку с письмами Пушкина. П.И. Бартнев вспоминал о том, что Е.К. Воронцова до конца дней сохраняла о Пушкине теплые воспоминания.

Пушкин мог знать детей Воронцова: Семена (8.XI.1823 – 6.V.1882) и Александру (17.V.1821 – не ранее 1830), вторая дочь Софья (3.IV.1825 – 15.III.1879) родилась уже в отсутствие Пушкина в Одессе [8, с. 324].

Н.Н. Пушкина в письме ко второму мужу от 18 августа 1849 г. рассказывала о своей встрече с Е. Воронцовой, с которой познакомилась в 1832 г.

Итак, об очень глубоком и длительном по времени – с 6 сентября 1823 г. до конца июля 1824 г. – увлечении Елизаветой Ксавьеревной Воронцовой свидетельствует цикл стихотворений Поэта, посвященных ей в годы пребывания в Михайловском, в основном в 1824–1825 гг. Причем все стихи написаны и до, и после знаменитого “Я помню чудное мгновенье...”:

“Всё кончено, меж нами связи нет”,
“Приют любви, он вечно полн”,
“Храни меня, мой талисман”,
“Пускай увенчанный любовью красоты”,
“Сожженное письмо”,
“Всё в жертву памяти твоей”,
“В пещере тайной, в день гоненья” и др.

Стихи, посвященные Е.К. Воронцовой, являлись, очевидно, также свидетельством его большого труда по шлифовке жанра любовной лирики, а результатом стал шедевр “Я помню чудное мгновенье...”.

* * *

Анна Петровна Керн скончалась 27 мая 1879 г.

Известен ставший легендой рассказ о том, что гроб ее повстречался с памятником Пушкину, который ввозили в Москву. По другой версии, она незадолго до смерти из своей комнаты услышала шум, вызванный перевозкой огромного гранитного постамента для памятника Пушкину,

Культурное наследие

и, узнав, в чем дело, сказала: “А, наконец-то! Ну, слава богу, давно пора!..”.

Какая бы из этих двух версий ни была ближе к действительности, знаменателен сам факт существования подобной легенды...

Литература

1. *Гоголь Н.В.* Несколько слов о Пушкине // Пушкинская энциклопедия. 1799–1999. – М., 1999.
2. *Пушкин А.С.* Стихотворения 1824 (Михайловское) – 1836. // Собр. соч.: В 10 т. Т. II. – М., 1980.
3. *Священник Павел Флоренский.* Избранные труды по искусству. – М., 1996.
4. *Пушкин А.С.* Дневники, воспоминания // Собр. соч.: В 10 т. Т. IX. – М., 1981.
5. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. I. – М., 1980.
6. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. II. – М., 1980.
7. *Цявловская Т.Г.* Рисунки Пушкина. – М., 1980.
8. Пушкинская энциклопедия. 1799–1999. – М., 1999.